

изображения почитаются не в качестве богов, и не вещь чтится в них, но „первообраз“.¹

Не только сам бог „иконописьательства есть художник“, но и все существующее и воспринимаемое чувством зрения имеет таинственную и удивительную силу этого художества, так как всякая вещь, если она будет поставлена перед зеркалом, напишет в нем свой образ. Разве не чудо, — восклицает автор, — что безо всякого чуда возникает чудесный образ, который перед движущимся человеком — движется, перед стоящим — стоит, перед смеющимся — смеется, перед плачущим — плачет и перед делающим что-либо иное — делает то же, во всем является живым, хотя ни тела ни души человеческих не имеет. Точно так же и в воде, на мраморе и на иных вещах, хорошо выглаженных, видим мгновенно изображающиеся, но не создаваемые трудом „образы“ различных вещей („всяких вещей образы в единой черте времени, всякого труподолжения кроме пишимы быти видим“).²

Не бог ли сам, а также естественными свойствами природы („сущим естеством“) учит человека „художеству иконописания“? Поэтому церковь с самого начала приняла иконные изображения. От икон, говорит автор, происходит так много чудес, что объять последние числом было бы все равно, что взвесить огонь, измерить дыхание ветров и сосчитать падающие капли дождя. Кровью и страданиями мучеников церковь защитила почитание икон от гонений, которые были воздвигнуты на них по наущению дьявола.³

Почитающие иконы, лобызая и поклоняясь им, возводят свой ум к первообразам. Поэтому человек и стремится искуснее научиться их изображению. Художник старается „мученические страдания живо изображать“, чтобы зритель проникся сочувствием к ним и стал как бы соучастником изображаемого. Так случилось некогда с Василием Великим. Готовясь произнести похвальное слово о Варлааме, он увидел изображение мученического подвига этого святого и, восхищенный искусством живописца, воскликнул, что художник представил этот подвиг лучше, чем он, оратор, мог бы сделать словами. Так подобает писать всем художникам, чтобы их произведения вызывали такое же удивление и об этих произведениях можно было бы сказать то же, что сказал Василий Великий об увиденном им изображении.⁴

На этом заканчиваются рассуждения автора „Слова“ об искусстве, и он переходит к осуждению тех художников, которые, заботясь о „земных прибытках“, относятся к своему искусству с небрежением, пишут изображения, достойные смеха и вызывающие поругание „чюжде-странных“. В заключение автор говорит о своем, уже известном нам намерении способствовать повышению мастерства живописцев изданием „алфавита художеств“.

Предваряя предстоящий разбор высказанных в „Слове“ суждений, отметим здесь одну черту его, обращающую на себя внимание. Автор „Слова“ целиком находится под влиянием церковных воззрений, и иначе, конечно, не могло быть. Но он — человек XVII века, и мысль его устремляется за ограничивающие, старые пределы церковных догм. В своих размышлениях он обращается к явлениям природы и естественным свойствам человека, к общественному значению искусства и на время забывает при этом об интересах церкви. Эта черта, столь

¹ Вестник Общества древнерусского искусства. . . , стр. 22—23.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 23—24.

⁴ Там же, стр. 24.